

реформ, был юго-славянин Крыжанич, вызванный в Москву в 1651 году, с целью исправления священных книг; ему принадлежит замечательный труд, в котором он настаивал на необходимости широких реформ. Спустя два года он был сослан в Сибирь, где и умер.

Петр I, который вполне понимал значение литературы и усиленно стремился привить европейскую образованность своим подданным, понимал, что старославянский язык, бывший в употреблении среди русских писателей того времени, но отличный от разговорного языка народа, мог лишь затруднить развитие литературы и образованности. Его форма, фразеология и грамматика были чужды русским. Его можно было употреблять в произведениях религиозного характера, но сочинение по геометрии, или алгебре, или военному искусству, написанное на библейском старославянском языке, было бы просто смешным. Петр устранил это затруднение со свойственной ему решительностью. Он ввел новый алфавит, с целью помочь введению в литературу разговорного языка, и этот алфавит, заимствованный из старославянского, но значительно упрощенный, употребляется вплоть до настоящего времени.

Литература, в собственном смысле этого слова, мало интересовала Петра I: он смотрел на произведения печатного станка исключительно с точки зрения полезности; поэтому главной его задачей являлось ознакомление русских с начальными элементами точных знаний, а равным образом с искусством мореплавания, военным делом и фортификацией. Вследствие этого писатели его времени представляют очень мало интереса с литературной точки зрения, и мне придется упомянуть лишь об очень немногих из них.

Одним из наиболее интересных, пожалуй, был Прокопович — епископ, совершенно свободный от религиозного фанатизма, большой почитатель западноевропейской науки, основавший Греко-славянскую академию. Заслуживает упоминания также Кантемир³ (1709—1744), сын молдавского господаря, переселившегося с некоторыми из своих подданных в Россию. Ему принадлежит ряд сатир, в которых он выражал свои мнения со свободой, вызывающей удивление, если мы примем во внимание нравы той эпохи. Тредьяковский (1730—1769) и его биография не лишены некоторого меланхолического интереса. Он был сыном священника и в юности убежал от отца, с целью учиться, в Москву. Оттуда он отправился в Амстердам и Париж, совершив большую часть путешествия пешком. Он слушал лекции в Парижском университете и заинтересовался западноевропейскими просветительными течениями той эпохи, идеями, которые и пытался впоследствии выражать в чрезвычайно неуклюжих стихах. По возвращении в Петербург, он провел всю свою последующую жизнь в страшной бедности и заброшенности, преследуемый со всех сторон сарказмами за попытки реформировать русскую версификацию. Он был лишен малейшего признака поэтического таланта, а между тем, несмотря на это, оказал большую услугу русской поэзии. В то время в России писали лишь силлабическими стихами, но Тредьяковский понял, что силлабическое стихосложение не соответствует духу русского языка, и он посвятил всю свою жизнь, чтобы доказать, что к русским стихам должны быть приложены законы тонической версификации. Если бы у него была хотя бы искра таланта, предпринятая им задача не представила бы особенного затруднения; но, при всем своем трудолюбии, он был человек совершенно бездарный, и для доказательства своего тезиса он прибегал к самым смешным ухищрениям. Некоторые из его стихотворений представляют совершенно бессвязный набор слов и написаны с единственной целью — указать различные способы, как можно писать русские стихи с размером и рифмой. Изнемогая в погоне за рифмой, Тредьяковский не останавливался перед тем, чтобы в конце строки разрубить слово пополам, помещая конец его в начале другой строки. Несмотря на подобные нелепости, он успел, однако, убедить русских поэтов в необходимости тонического стиха, который с тех пор и вошел в общее употребление. На деле такого рода стих представляет лишь естественное развитие русской народной песни.

Из современников Петра необходимо также упомянуть историка Татищева (1686—1750), написавшего историю России и начавшего обширный труд по географии Российской империи; это был чрезвычайно трудолюбивый человек, занимавшийся изучением многих отраслей науки, интересовавшийся также богословием и оставивший, кроме истории, несколько работ политического характера. Он первый оценил значение летописей, которые собирал и систематизировал, подготовив, таким образом, материалы для будущих историков; но, вообще говоря, он не оставил после себя заметного следа в литературе. В действительности, лишь один писатель этого периода заслуживает более чем

³ В 1730—1738 годах он был посланником в Лондоне/